

Назипов Ильгиз Ильдарович

Nazipov Ilgiz Ildarovich

кандидат исторических наук, заведующий кафедрой социальных и гуманитарных дисциплин Пермского института (филиала) Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова

PhD in History, Head of the Department of Social Sciences and Humanities, Perm Institute (branch) of Plekhanov Russian University of Economics

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ПОНИМАНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ О МОНГОЛО-ТАТАРСКОМ НАШЕСТВИИ И ИГЕ

THE HISTORICAL CONTEXT FOR UNDERSTANDING AND INTERPRETING THE HISTORICAL RECORDS ON THE MONGOL-TATAR INVASION AND YOKE

Аннотация:

Оценка нашествия монголо-татар и ига осуществлялась их современниками в рамках представлений о провиденциализме. Они представляли татар либо как орудие Божьей кары за грехи, либо как воинство дьявола, особенно в контексте эсхатологических ожиданий. Произведения средневековых русских книжников и летописцев характеризуют татар именно в этих двух оценочных категориях. От оценки источника бедствий зависит выбор ответа на него – смиренное принятие либо активное сопротивление. Средневековые авторы выражали теологическую оценку описываемых событий неявно для современного читателя. В статье предложена схема понимания теологической семантики нарративных источников. Схема включает параллели происходящего с сюжетами Библии, в которых источник назван; отношение напавшего воинства к церквям и священнослужителям; побуждение своими действиями жертв агрессии к греховному поведению; присутствие в агрессорах собственных черт – лживости, льстивости.

Ключевые слова:

монголо-татары, русские книжники, нарративные источники, семантический анализ, орудие Божьей кары, воинство дьявола, подчинение воле Бога, противостояние силам дьявола.

Summary:

The contemporaries evaluated the Mongol-Tatar Invasion and Yoke within the framework of providentialism. They represented the Tatars either as an instrument of divine retribution or as an army of the devil, especially in the context of eschatological expectations. The works of medieval Russian scribes and chroniclers characterized the Tatars according to these two evaluation categories. People's behavior depended on the assessment of the source of disasters: they chose either humble acceptance or active resistance. Medieval authors have expressed a theological evaluation of the events described that is not evident to the modern reader. The author suggests a scheme for understanding the theological semantics of narrative sources. The scheme finds parallels with the plots of the Bible, their source is available; includes the attitude of the attacking army to the churches and priests; encouraging victims of aggression by their actions to sinful behavior; implies falsity and flatter in the aggressors as features peculiar to the devil.

Keywords:

Mongol-Tatars, Russian scribes, narrative sources, semantic analysis, instrument of divine retribution, army of the devil, submission to the will of God, battle with the devil.

Историку в своем исследовании важно не просто изложить в цитатах средневековые тексты, но понять и передать их смысл, постигнуть логику мышления древних авторов, их литературные приемы, выводы о сути событий и поступков. Попытка увидеть события «глазами их современников» может уменьшить степень модернизации мышления в исторических исследованиях. В статье сделана попытка изложить выявленные приемы и спроецировать их на оценки средневековыми русскими летописцами и книжниками монголо-татарского нашествия и ига.

Средневековые люди мыслили иначе, чем современные, в том числе и когда описывали события в летописных и художественных текстах. Историк, который, не учитывая этого, делает анализ источников, неизбежно совершит ошибку понимания текста. И.Н. Данилевский писал об этом: «...Современные этические критерии не работают в Средневековье. Логика поступков людей того времени чаще всего можно восстановить, опираясь на параллельные (чаще всего библейские или апокрифические) тексты» [1, с. 222].

Мышление средневекового христианина было глубоко религиозным. Во всех мирских делах и явлениях богословы, а за ними их паства искали следы и знаки Божественной воли или же земной греховности людей, происков Сатаны. Промыслом Божиим или происками Сатаны они объясняли суть всех событий, явлений, действий. Причинно-следственные связи природных явлений, событий общественной и личной жизни (например, стихийные бедствия, эпидемии, нашествия врагов) объяснялись божественным промыслом. Это было мировоззрение провиденциализма.

Угрозы средневековому человеку исходили в его представлениях и от вмешательства в его жизнь дьявола. Он соблазняет человека и заставляет его совершать грех, в наказание за

который последуют кары Господни. Дьявол непосредственно вредит человеку, его имуществу, близким людям.

Наказания или испытания, посланные Богом, следовало принимать как данность, безропотно, даже с благодарностью. Так выдержал испытание Иов, который остался преданным Богу, несмотря на то, что всего лишился – богатства, семерых детей, здоровья. В рамках христианства смирение, подчинение воле Бога не есть поведение, недостойное мужа, его не стыдятся. Напротив, за такое ярко выраженное поведение становятся святыми (например, как первые русские святые – Борис и Глеб, принявшие смерть, не пожелав участвовать в братоубийственной войне).

С кознями дьявола надо было активно бороться. Во-первых, молитвой, во-вторых, действием. Например, следовало найти служащую ему ведьму и сжечь ее. Поэтому человеку Средневековья важно было различать воздействие Бога и Сатаны. От кого исходят трудности человека, беды, болезни? И, соответственно, выбрать ответный стереотип поведения.

В отношении монголо-татар все это также было актуально. Следовало воспринимать их как орудие Божьей кары за грехи либо видеть в них орудие дьявола и бороться с ними. В первом случае нужно было исправиться в тех грехах, за которые последовала кара, а также безропотно принять судьбу, смириться с ней, молиться во спасение – т. е. подчиниться татарам. Во втором случае надо было бороться с татарами, не подчиняться им и погибнуть «мученической смертью», заслужив себе «вечную жизнь».

И еще важно: если кара была очень сильной, как нашествие монголо-татар, опустошившее всю страну, то имели большое значение аналогии с началом последних времен, потому что в представлениях шокированных религиозных современников это неизбежно вызывало ожидание второго пришествия и конца света. Но и в этом случае стереотип поведения был тот же – надо смириться и молиться о прощении грехов.

Встает вопрос правильной идентификации источника воздействия на событие и его причин, а значит, и выбора ответа на воздействие – смиренное принятие того, что исходит от Бога, или борьба с тем, что исходит от лукавого.

В исторической науке семантика образа монголо-татар в древнерусских источниках уже подвергалась исследованиям. Сравнительную характеристику этой семантики в разных летописях и отдельных произведениях средневековых русских книжников, реконструкцию представлений о монголо-татарах делали И.Н. Данилевский [2, с. 133–213] и В.Н. Рудаков [3]. Старался моделировать средневековую русскую оценку нашествия и ига американский историк Ч. Гальперин. Он пишет, что иго трактовалось русскими исключительно в христианских представлениях о «Гневе Божиим» и борьба за независимость переносится в область провиденциализма [4].

В данной статье автор систематизирует особенности восприятия ордынцев их современниками и отслеживает, как это отражалось в исторических источниках.

Волю Бога знатоки священных текстов распознавали по аналогии с его волей, изложенной в этих текстах, находя параллели с происходившими событиями. В текстах летописей и произведений книжников такой подход нашел свое выражение.

Например, русская летопись XIII в. рассказывает о «казнях Божиих», о том, какими они бывают и за что посланы, как надо их принять христианину: «се же наводи на иы Бъ велѣ на имѣти покажнье и встѣгнутисѣ ѿ грѣ ѿ блуда и зависти и грабленьѣ и насильѣ и ѿ прочи злы дѣлъ неприязни Бъ бо казни рабы своѣ напастми разноличными ѿгне водою ратью смрътью напрасною так обо и подобае хръжно многими напастми и скорьми внити в цртво нбное аще с блгодаренье приму напасти но не предажъ на до конца имени твоѣго ради Ги аще бо на безаконьѣ наша призриши Ги то кто постоить ты бо свѣси Влко наши согрѣшежъ подвиженье на зло но вбаче надѣса на млть твою Ги молитвами Бца помилуй на ты бо юси Бъ на развѣе тебе иног не знае» [5, стб. 449–450]. (За грех, блуд, зависть, грабежи, насилия и прочее зло Бог карает рабов своих огнем, водою, ратью, смертью. С благодарностью подобает принимать это и надеяться на милость Божию.)

Или, например, ярко характеризует сказанное такой текст: «Не точію вашего ради согрѣшеніа и неисправленіа къ Богу, паче же отчаяніа еже не уповати на Бога, попусти Богъ рать на преже тебе прародителей твоихъ, – и всю землю нашу поработи и воцарисѣ надъ ними... и тогда убо прогнѣвахомъ Бога, и Богъ на ны прогнѣвасѣ и наказа насъ, якоже чадолубивый отецъ, по глаголющему Апостолу: егоже любить Господь, наказуетъ; бьетъ же всякого сына отецъ, егоже приѣмлетъ» [6, с. 208–209]. (За грехи, за неупование на Бога в отчаянии Бог посылал рать на нашу землю, потому что он нас любит и наказывает любя, как делает это отец с сыном.)

Или приведем текст Серапиона Владимирского, в котором перечисляются примеры применения самых различных видов «казней Божиих», как из богословской литературы, так и из видимых им в жизни, причем и глобального масштаба, и масштаба средневекового города с несколькими сотнями пострадавших, а также рассказывается с осуждением об имеющем место поведе-

нии масс при бедствиях – выкапывании из могил недостойных христианского погребения самоубийц: «О, маловѣрнии, слышасте казни от бога: в первыхъ родѣхъ потопа на гиганты, огнемъ пожъжени, а содомляне огнемъ же сожени, а при фараонѣ десять казней на Егупеть, при ханании камене огненное с небесѣхъ пусти, при судьяхъ рати наведе, при Давидѣ моръ на люди, при Титѣ плѣнь на Ерусалимъ, потомъ трясение земли и паденье градъ. И в наша лѣта чего не видѣхомъ зла? многи бѣды и скорби, голодъ, от поганыхъ насилье. Но никако же премѣнимся от злыхъ обычаи нашихъ; нынѣ же гнѣвъ божии видяци и заповѣдаете: хто буде удавленника или утопленника погребль, не погубите люди сихъ, выгребите. О, безумье злое! О, маловѣрье! Полни зла исполнении, о томъ не каемъся. Потопъ бысть при Нои не про удавленнаго, ни про утопленника, но за людския неправды, и иныя казни бесчисленныя. Драчь град 4 лѣта стояль от моря потопленъ бысть и нынѣ в мори есть. В лясѣхъ от умноженья дождя 600 людей потопло, а инни в Перемышли градѣ 200 потопоша, и гладъ бысть 4 лѣта. Тамо же се все бысть в сия лѣта за грѣхи наша. О, человекѣ, се ли ваше покаянье? сим ли бога умолите, что утопла или удавленника выгresti? Сим ли божию казнь хочете утишити? Лучши, братья, престанемъ от зла; лишимся всѣхъ дѣлъ злыхъ: разбоя, грабленья, пьянства, прелюбодѣйства, скупости, лихвы, обиды, татбы, лжива послушства, гнѣва, ярости, злопоминанья, лжи, клеветы, рѣзомиманья. Азъ бо грѣшный всегда учю вы, чада, велю вамъ каятися. Вы же не престанете от злыхъ дѣлъ» [7, с. 452–453]. (Серапион вспоминает потоп, сожжение огнемъ, десять казней египетскихъ, землетресения, голодъ, насилье от «поганыхъ». Причина всему – грехи людей. Нужно прекратить делать зло – разбойничать, заниматься пьянствомъ, быть лживыми, яростными, скупыми.)

Можно привести и такой примеръ перечня «казней Божиихъ» изъ одноименнаго рассказа в летописи, где перечислены виды казней, сказано о томъ, что они даны за грехи, и рассказано, какъ заслужить прощенья Бога и прекращенья казней: «Земли согрѣшивши коеи любо, казнить богъ смертию, или гладомъ, или наведениемъ поганыхъ, или ведромъ, или гусинцею, или инѣми казньми. Аще ли покаявшееся будемъ, в немъ же ны богъ велитъ жити, глаголетъ бо намъ пророкомъ: “обратитесь ко мнѣ свѣмъ сердуемъ вашимъ, постомъ и молитвою и плачемъ”; да еще сиче створимъ, всѣхъ грѣхъ прощени будемъ» [8, с. 186]. (Земли согрешивши Богъ казнитъ смертию, голодомъ, нашествиемъ неверныхъ, потопомъ. Надо каятися, молиться, поститься.)

Какъ распознать зло, исходящее отъ дьявола?

Во-первыхъ, разглядевъ признаки Сатаны и его силъ по аналогии съ описаниемъ ихъ в Библии и близкихъ к ней религиозныхъ и предсказательно-религиозныхъ текстахъ. Деяние, в основе котораго лежатъ пороки, свойственные в священныя текстахъ дьяволу или его слугамъ, исходитъ отъ дьявола. Например, лукавство, ложь, клевета (с ивр. *יָצוּר*, *сатан* – ‘противникъ, клеветникъ’; от древнегреч. *δίαβολος* – ‘лукавый, клеветникъ’); или гордыня (за что пожелавши стать равнымъ Богу архангелъ Люциферъ былъ низвергнутъ); или когда в основе событий и действий лежатъ другия пороки, свойственные дьяволу или его слугамъ, в священныя текстахъ – лъстивость, зависть.

Во-вторыхъ, когда возникаютъ ситуации, толкающия человека на нарушение заповедей Священнаго Писанья, то они отъ дьявола. Дьяволъ всегда желаетъ человеку только зла, его цель – гибель человека. По свидетельству Священнаго Писанья, начало греха идетъ отъ дьявола: «Кто делаетъ грехъ, тотъ отъ дьявола, потому что сначала дьяволъ согрешилъ» (1 Ин. 3:8).

В-третьихъ, безусловнымъ проявлениемъ в миру силъ дьявола является разрушение церквей, убиение церковнослужителей, уничтожение священныя реликвий.

В-четвертыхъ, распознать исходящее отъ дьявола можно и просто понявъ, что человекъ, общество не грешили, вели себя правильно, соблюдали все заповеди и кары Божией не заслуживали (хотя тутъ возможна и проверка верности Богу в страданияхъ, примутъ ли ихъ безропотно), но последовали проблемы, несущия беды, страдания. Вероятно, это действуетъ дьяволъ, насылая беды на техъ, кто преданно служитъ Богу. Что значитъ вести себя правильно, кроме соблюдения заповедей? Делать и думать такъ, какъ долженъ верующий, и находить образцы в святыхъ текстахъ (впрочемъ, в христианствѣ думать о запретномъ – это тоже нарушение заповеди (Мф. 5:28)); не делать и не думать такъ, какъ грешно, образцы также содержатся в святыхъ текстахъ.

Проиллюстрируемъ оба правила содержаниемъ изъ двухъ цитатъ не священныя текстовъ, но передающихъ основное содержание общественной морали. Древний текстъ «Похвала роду рязанскихъ князей» содержитъ такой перечень примеровъ правильного поведения: «христоклюбовии, братолюбивии... къ приеждимъ привѣтливии, къ церквамъ прилѣжны, на пируванье тщывии... чистоту душевную и телесную безъ порока соблюдаютъ. <...> Отъ самыхъ пеленъ Бога возлюбии. О церквахъ божиихъ велми печашеся, пустошныя бесѣды не творящее, срамныхъ человекъ отвращашеся, а со благими всегда бѣсѣдоваша, божественныя писанья всегода во умилении послушаше. <...> А по браце целомудренно живяста, смотряючи своего спасенна. <...> Плоти угодие не творящее, соблюдаючи тѣло свое по браце греху непричасна. <...> молитве прилежаста; и кресты на рамяхъ своемъ носяща. И честь и славу отъ всего мира приимаста, а святыя дни святаго поста честно храняста, а по вся святыя посты

причащаются святых пречистых бессмертных таин. <...> А отчину свою от супостат велми без лѣности храняща. А милостину неоскудно даяше» [9, с. 201–204]. (Следует любить Христа, братьев, соблюдать душевную и телесную чистоту, прилежно молиться, соблюдать пост.)

Краткий перечень грехов – это все заповеди Христа, Моисея и их толкование. Но в текстах средневековых авторов можно увидеть и перечни «сатанинских» деяний (неисчерпывающий перечень, тем более если он заканчивается словами «и прочих сатанинских деяний»). Например: «Аще отступимъ скверныхъ и немилостивыхъ судовъ, аще примѣнимъся квиваго рѣзоимства и всякого грабленья, татбы, разбоя и нечистаго прелюбодѣства, отлучаюша от бога, сквернословья, ожѣ, клеветы и поклепа, иныхъ дѣл сотониныхъ» [10, с. 442]. (Следует воздерживаться от несправедливого суда, воровства, разбоя, клеветы, прелюбодеяния, сквернословия – это все от Сатаны.)

В-пятых, для уяснения теологического толкования древним книжником татар следует изучить его отношение к сопротивлению татарам. Это отслеживается и в вышеприведенных цитатах.

Совокупность перечисленных признаков распознавания в воздействии монголо-татар на Русь видимых древними людьми Божьего промысла или происков Сатаны позволит ученому-историку понять отношение к происходящему средневекового автора, а часто и князя, в чьих землях этот автор жил и писал.

Применяя предложенную схему понимания древних источников, можно по этому основанию разделить большинство их, описывающих нашествие монголо-татар и их последующее господство над Русью, на две группы. Татары для авторов одного текста – слуги дьявола, другого – орудие кары Господней. При этом следует проявлять осторожность в оценках, так как в текстах могут одновременно присутствовать характеристики разной семантики. В этом случае следует сопоставить характеристики и выявить преобладающую семантику.

Ссылки:

1. Данилевский И.Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). М., 2001. 289 с.
2. Там же. С. 133–213.
3. Рудаков В.Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV вв. М., 2009. 246 с.
4. Halperin Ch.J. The Russian “Theory” of Mongol Rule // Halperin Ch.J. Russia and the Golden Horde: The Mongol Impact on Medieval Russian History. Ch. VI. Bloomington, IN, 1987. P. 61–74.
5. Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. I. Л., 1927. 488 стб.
6. Никоновская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. X. М., 2000. 248 с.
7. Памятники литературы Древней Руси: XIII век. М., 1981. 616 с.
8. Новгородская I летопись // Полное собрание русских летописей. Т. III. М., 2000. 693 с.
9. Памятники литературы Древней Руси: XIII век. С. 201–204.
10. Там же. С. 442.

References:

- Danilevsky, IN 2001, *Russian Lands in Views of Contemporaries and Descendants (the 12th-14th Centuries)*, Moscow, pp. 133-213, (in Russian).
- Halperin, ChJ 1987, ‘The Russian “Theory” of Mongol Rule’, *Russia and the Golden Horde: The Mongol Impact on Medieval Russian History*, Ch. VI, Bloomington, IN, pp. 61-74.
- ‘Laurentian Chronicle’ 1927, *Polnoye sobraniye russkikh letopisey*, vol. 1, Leningrad, column 488, (in Russian).
- Literary Monuments of Ancient Russia: the 13th Century* 1981, pp. 201-204, 442, (in Russian).
- ‘Nikon Chronicle’ 2000, *Polnoye sobraniye russkikh letopisey*, vol. 10, Moscow, 248 p., (in Russian).
- ‘Novgorod First Chronicle’ 2000, *Polnoye sobraniye russkikh letopisey*, vol. 3, Moscow, 693 p., (in Russian).
- Rudakov, VN 2009, *Mongol-Tatars in Views of Old Russian Scribes of the Mid-13th-15th Centuries*, Moscow, 246 p., (in Russian).